

ВОЛОВИК

**ПОХВАЛА
АЛФАВИТУ**

Избранные стихи разных лет

1962-2012

50 лет в строку!

Москва

Эпоха Самиздата

2012

Александр Воловик

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ

стихи, «Эпоха Самиздата», Москва. 32 с. - 2012

ПОХВАЛА ВОЛОВИКУ

(фрагмент из статьи к 70-летию со дня рождения поэта)

...Поэтические тексты Александра Воловика стереоскопичны, объёмны. Многомерны. Поскольку конгломератом образов, смыслов, звуков, а даже и отдельно взятыми словами (лексика богатейшая!) они воздействуют непосредственно на подкорку рядового цивилизованного читателя, а эрудита общего плана дополнительно приводят в откровенное восхищение богатейшей системой образов и смыслов...

Поразительна в стихах Воловика поистине редчайшая способность автора вызывать сочетанное воздействие и на умственную, и на чувственную составляющие в сознании читателя. Менее поразительна (то есть – совсем не удивительно) прискорбно малая известность этого замечательного поэта вне пределов литтусовки: такое личностное качество, как скромность и деликатность в отношении к собственным произведениям, – в наши времена подлинный раритет.

Недалёкого как бы «любителя поэзии» сложно структурированные тексты, к счастью, оставляют равнодушным. Почему к счастью? – Равнодушие не побуждает к дальнейшему чтению, тем паче – к попыткам усвоить смыслы, заключённые в тексте, увидеть ёмкую картину информационного пространства, освоенного человеком разумным за тысячелетия. А не особо широкая известность блестящего, остроумного мастера парадоксальной интеллектуальной поэзии – несомненный признак элитарности его творчества...

Нина Огнева

В настоящем издании изменён формат книжки, поэтому число страниц в ней превышает 32.

<http://poezia.ru/user.php?uname=Volovik>

a-volovik@yandex.ru

alexander.wolowik@gmail.com

© Воловик, 1962–2012

© «Эпоха Самиздата», 2012

* * * (1990)

Январский вечер, но – почти весна.
Не 90-х, нет! 80-х.
И молодость ещё почти видна,
она как звёзды: светит, да не взять их.
Но молодость ещё почти слышна,
почти что ощутима, точно запах,
который во флакон надёжный заперт
и рвётся в щёлку. Но почти – весна.
Вершись, игра, пиши моя контора!
Еще провала не видать почти,
где пагубные ящики Пандоры
распилят надо мною скрипачи.
Но жуток перечень грядущих дел и бед.
Гляжу: копеечка. А это белый свет.

* * * (1993)

Шрифт включает Ё и знак вопроса,
circumflex'ы и *accent aigues*,
символы Ω-переноса
и значок, похожий на серьгу¹.
Их, конечно, вытерпит бумага.
В сущности, по-честному, – экран...
Впрочем, есть и принтер...
Вот ума бы!
Памяти хотя бы миллиграмм.
Ведь при этом, значит, переносе
(пресловутом) чистится регистр.
В общий нуль идут: партайгеноссе,
бомж, и академик, и министр.
Переменят плоть и вор, и ангел.
Рыцарь нов, но тот же щит его.
Внешний мир один инвариантен:
косное бессмертно вещество.
Жизнь – иное. Суета и смета,
и – экстаз... Короче, это – Я.
Литеры унылая гамета.
Знойная зигота бытия.
И из этих кубиков, как фраза,
vita nova – сладостно горька.
Фабула единственного раза.
Форма прозябания белка.

¹ @

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР (1985)

Бездедушечный мастер работает тонко и трезво.
Совершенство в безделке даётся трудом и трудом.
И бренчит в его ранце не маршальский титул маэстро,
а предметы попроще: палитра, блокнот, метроном.
Бездедушечный мастер совсем не безделками занят.
Он творенье своё для проверки выносит на свет.
Проверяет на глаз: не сверкнёт ли восторга слезами.
Проверяет на слух: зазвенит, или, может быть, нет?
Он собой недоволен и правит в работе изъяны:
то акцент переставит, то охры добавит в сурьму,
то бравурное *forte* заменит на робкое *piano*.
Вот бессмысленный труд! Он и нужен ему одному.
Но гармонию выверив замысла гибким лекалом,
из властителей мира лишь ей подчинён и не чужд,
он свободен смеяться и видеть великое малым,
и общественный скепсис для личных использовать нужд.
И когда он в отделке безделки достигнет предела,
завершив не разменный на зло и добро сувенир –
пусть останется чёрное чёрным и белое белым.
Что он, в сущности, миру, и что ему, в сущности, мир!
Он работу закончил. Дальнейшее, в общем, известно.
Отодвинут блокнот и уложен в футляр метроном.
И, промыв скипидаром палитру, вздыхает *маэстро*
и торопится к двери – пока не закрыт гастроном.

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ (1991)

Из тех же самых тридцати трёх
как стих бы воспроизвести – трёп.
И мне бы сказочку, и вам речь.
А не покажется роман – сжечь!
Какая скука – лексикон стен!
Летите, рукописи, в сон, тлен.
Летите ввысь под гром литавр од,
печатный лист, абракадабр код.
Волхвов наитье – прототип строф ...
Но сдохни, принтер, линотип: стоп!
Перед порогом в нашу даль лет –
ни иероглифов, ни альф, бет.
Гермес. Слетает с язычка текст:
 «ЛЕЧУ ДАНАЕ ТЧК ЗЕВС».
Баян, на каторгу струны сев –
как индикатор старины, сед.
Греми, симфония! Перун – в Стикс²!
Кирилл с Мефодием. Перо. Кисть.
Тревожно лидерам, но скор срок –
грузиться литерам в набор строк!
Стихотворение. Вина – чья?
Бежит волнение от А к Я.
Что – вдохновение! – В висках кровь...
И – тем не менее – каскад строф.

² *Здесь: Днепр etc.*

МУЗЫКА (1985)

Дело, кажется, швах, лопнет кожица в швах барабана,
До удавит валторну, органом взревет клавикорд,
и басовым ключом отомкнёт багинеты охрана,
и маэстро рванёт из оркестра и скроется, чёрт!
И сиятельный Бах развернёт оскорблённые брови,
и смахнёт незаметно на лацкан скупую бемоль,
и кровавый взорвется аккорд у сопрано в утробе.
Рухнет замертво мир, поражён глухотой, как бельмом.
И умрут контрапункты, навязшая в клавишах жвачка.
Изумрудом и охрой мазнёт нас огня помело.
Мы летим под уклон, нас летально нуклон перепачкал,
и летает не клёвый пришелец, а чёрт в НЛО.
Вот он реет над нами, флюидами праха пропитан,
мастер магии мрачной и злой виртуоз похорон.
Выстриг фрачные фалды, хвостом опрокинул пюпитр
и, летя, улюлюкает в переносной какофон!
Мы уплатим налог на молитвы и сладкие звуки:
дискжокей, гогоча, заколотит нам в лоб децибел.
вивисекция лебедя – благо для гитик науки:
как сулил постулат – он не сдох, пока не досипел.
К пароксизму прогресса спелли смертельные споры.
С ними споры безумны: они уже тут, на губах.
В темноте вместо нас расцветают рябые узоры –
сглазил чёрный маэстро, и дело действительно швах.

* * * (1994)

...но зато – дуэт для скрипки и альты!

Д.Самойлов

Трио для принтера, клавиатуры, экрана,
будучи начато, в общем, достаточно рано,
за полночь выдаст последние такты финала –
два-три листа распечатки, и это немало.
Два-три листа. Но с нуля-таки тикает таймер.
Скрыта в программном продукте гармонии тайна.
Пусть эта тайна о частном, своём, не о сущем.
Два-три часа, и последний автобус упущен.
Паника дома. Квартира, как паникадило,
двор освещает и улицы даль, чтобы было
как бы светлее на скользких дорожках фортуны...
Но – для экрана! для принтера! клавиатуры!

ПАМЯТНИК (1985)

Exegi monumentum...

Когда, локтём круша цивилизацию,
я насмерть вжат в автобус, в самый пик,
то чувствую, что ближе стал к Горацию,
точней, к тому, чего он там воздвиг.
Что ж мне – за обелиски что ли прятаться!
Для пантеона я созрел почти.
Вот мой проект: вишу под 30°,
в руке пятак и в воздухе очки.
Вокруг, как подобает, предстоящие –
скопление сумок, туловищ и шей –
и выставка красивых, как по ящику,
отечественных в том числе, вещей.
Глядел бы век – вздохнуть бы мне сподобиться!
Гораций! Вам бы жить при НТР!..
Гораздо те мудрей, кто вне автобуса,
владельцы «Мерседесов», например.
Как жаль – меня когда-то не заметили,
а то и мне бы в «Жигуле» – лафа!
Ведь я ж не хуже их, и междометием,
даст бог, не зарастёт моя строфа!
Но мне бензином их не оскоромиться.
Вишу – не отоваренный фирмой,
и истекает чей-то фарш сукровицей
на монумент *нерукотворный* мой.
Пусть мудрецы вершат свои деяния,
мне не до них: и у меня – дела.
Да мне и изваянье – подаяние,
и уж подавно – не до барахла.
Но есть такие вещи, друг Горацио,
какие – ты, конечно знаешь сам,
которые всё снятся нам и снятся нам,
всё снятся нам и снятся, мудрецам.

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК (1988)

Когда мутный дождичек загоняет в подъезды
редких, как из Красной книги, могикан,
остаётся на улице один – облезлый,
никудашний, дурно пахнувший старикан.
Ему свищет милиция, а он, как заяц:
чмокнет полуботинками и – наутёк.
Чего ему неймётся? Одолела к парочкам зависть?
Так ведь они же смылись, или он не усёк?..
Нет, старикова пара с ним пролетает рядом
В штапельной миниюбке с клёвым таким бантом.
Памятный Шестигранник реет над бедным садом,
архитектурный призрак, молодости фантом.
Небо зазря шуршало, корчилось и ловчило:
что старичку циклона ватная карусель!
всё перед ним кружится – гипсовая пловчиха,
пёстрые фейерверки, мятная карамель!
Здесь, за горбом эстрады, дед младым шалопаем
лихо шастал кустами, будя ошалелых ворон,
и пыл его в молодости был так же неисчерпаем,
как в известном атоме – электрон.
Это он после сдал, хотя в нём и дремлет
прошлое, просыпаясь иногда на беду.
– Дедушка! Обождите меня! Я – Ваш преемник.
Можно – до остановки с Вами дойду?

НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША (1981)

Сергею Белоголовцеву

У менестреля и министра, у атташе и алкаша
звенит, как нимб и как монисто, необъяснимая душа.
Она летает и бушует, подобна плазме и огню,
и ощущает душу жулик, и партгрупорг, и инженерю.
Крестьянин, в сумрачном навозе копаясь кончиками вил.
И за бойцом летит в обозе душа на паре хрупких крыл.
Интеллигент страны Советов и соль земли – рабочий класс,
ужель идеализма ветошь – душа – гнездится тоже в вас?
Ужели гид *нематериальный* вас вводит в радость и тоску?
То – как джигит – в сальто-мортале коня меняет на скаку?

ДУБЛЁРЫ (1984)

Легко охватывать детально весь мир, живя по сто времён!
И вот я экспериментально на сто дублёров расчленён.

Дублёр шевелит левым ухом; два догрызают карандаш:
один из них рифмует сухо, зато другой впадает в раж.

Дублёр снимает хату с краю; дублёр безмолвствует: хитёр.
С моей женой – уж я-то знаю! – живу не я, а каскадёр.

Вот мы, дублёры по квартире, перекликаемся, жужжа,
как будто мы – сорок четыре обериутские чижа.

Но наше поприще опасно, ни дня нам не прожить без ссор:
Один дублёр воскликнул: «Ясно!» –

«Туман!» – сказал другой дублёр.

И завязалась потасовка, и без труда в один момент
дублёр дублёру рушит ловко его опорный аргумент.

Мы все дерёмся на-отлично: вот нет уже дублёров двух...
И распадаюсь я как личность: направо прах, налево дух.

Рефлексы все из строя вышли, сгустились сантименты в стресс.
Не существую даже мысля: утратил к пище интерес!..

Дублёров бешеная свора меня живьём загонит в ад,
дублёр дублёру не опора, не друг-товарищ и не брат.

Пора уволить всю команду: эксперимент зашел в тупик.
Но кто из нас подаст команду? Кто – *настоящий* Воловик?

КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ (1986)

Ольге Постниковой

В первые годы после отмены кофе
я иногда, по праздникам, нюхал банку
и вспоминал безразвратно прошедшую юность,
активизируя носомоторную память.
Но постепенно таял кофейный запах,
юность казалась чем дальше – более пресной,
более трезвой, лёгкой, как сновиденье,
и, наконец, безуханная, потерялась.
Всё это шутка. Кофе не пил я сроду.
Банку стеклянную расколотили дети.
И никогда-никогда молодым я не был,
а с седой бородой рождён 50-летним.

* * * (1975)

Поэзия – это шкаф.

Д. И. Хармс

Он приходил домой, певец абсурда,
постель из слов стелил он на полу
и камни многозначные лежали
ничком на перевёрнутой строфе.
А у него в окне светило блюдо,
и шкаф скрипел на рельсах голубых,
и пудель тёр хорошенькую морду
о розовый кирпичный абажур.
Курил он кошку, серую как трубку,
как воздух – из окошка выходил.
Но ночь над Невским серая стояла,
где был когда-то Пушкин. И – убит.

ИЗ ПЕПЛА (1988)

Вот если был бы малость помоложе я,
свисталось мне б, как чижику весной.
И как легко мне было б имя божие
тревожить все буквой прописною!
И у меня в начале были б возгласы.
И я б лупил по ласточкам из пушек...
Но скептицизм умеренного возраста
душе не оставляет побрякушек.
Мне нет с небес бластного вдохновения,
и грош души не заложил я в пекле...
Выходит, что мои стихотворения
из лично моего восстанут пепла.

СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ (1985)

Когда тяжеловодным Стиксом
проследую, обеззаряжен,
когда мандат души проколет
архангел вахтенным штыком,
её последняя частица,
моя поэзия (так скажем!)
падёт *литованной* строкою
пред гутенберговым станком.

Она – наложница с панели,
над нею ножницами цыкнут,
над ней разящее копыто
пернатый мерин задерёт.
Её и тиснут нонпарелью,
когда совсем она затихнет,
когда расколется под пыткой
и встанет задом наперёд.

Ей, изуродованной внешне
под злым надзором метранпажа,
дадут казённого узора
прикрыть рождённое нагим...
О ад грядущий мой кромешный,
постыдная самопродажа,
Густая киноварь позора,
самодовольства жирный грим!

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ... (1999)

Э.Т.А. Гофман, Э.Т.А. Гофман!
Вы рисуете в тетради
рюмку с крылышками. Это
значит – Вы навеселе...
Это значит: для забвенья,
вдохновенья, воспаренья,
ради звуков сладких пенья
был наполнен сей сосуд.
И таинственный Щелкунчик,
хохотунчик, кувыркунчик
изготовился зловещим
цыкнуть зубом трудовым.
И когда младая Юльхен
затворится с мужем в спальне
и игрушечный солдатик
честь условную отдаст,
из тетрадки вынет Гофман
псевдогреческую наблу³
(ключ от кода) – рюмка звякнет,
крылья в небо понесут.

³ Набла (∇) – математический символ, «оператор Гамильтона»:
[$\nabla=(\partial/\partial x, \partial/\partial y, \partial/\partial z)$]

КНИГА ЧУДЕС (1991)

Нежностью книжника тронута книга чудес.
Благоухают страницы корицей и сдобой.
Но перечтём не о хлебе, насушенном днесь,
не о текущих лепёшках, отравленных содой.

Нет! О рокфоре, светящемся сизой слезой,
об уставном соответствии специй посолу.
Празднично брызнет рассыпчатой пеной *Праздрой*,
и кардамон, салютуя, зависнет над *Лсоу*.

Срам осетрам, прозябающим в сонном садке!
Жги им глаза, отражённая жуть мельхиора!
И трюфелям: не являются ни перед кем
из-под земли, а уже угождают обжорам.

Странно совку в непредвиденном мире сластей,
трудно жевать сочетания букв – постигая
силу филея, полезность травы сельдерей,
возгласы устриц, ранимую плоть расстегая.

Проще усвоить: от сердца поможет коньяк,
чем приготовить уроки: как жрать артишоки.
Вот *кон-соте*, *про-фит-роли*. А вот, на полях
почерком ржавым проставлены цены эпохи.

Слаблю поваренный текст за его прямоту,
за лапидарность советов хозяйкам нездешним.
Хочется печь и варить. И дарить животу
сладкую жизнь. Но в разумных пределах, конечно.

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ (1990)

По следам людоедского полдника, мистер Крузо,
поступает закат в Ваше веденье до восхода.
Нимфу можете выбрать, а коли неймётся – музу
и плодить соответственно – гимн, серенаду, оду.
Мне ведь тоже дано – хоть в автобусе – уединенье
Или в кухне безмолвной, один на один с минтаем.
Что – Свобода? Она – одиночество, или – деньги?
– Нет ответа. Поскольку мир – не обитаем.
Дорогой Робинзон! Позвольте представиться. С Вами
говорит одиночка, сему не причастный миру.
Я витаю, как Вы, в треугольном моём вигваме,
собираю крушений нетленные сувениры.
Простота воровства, звуковой набор деклараций.
Кособокою рифмой намазан сюжет на образ –
и на клетчатый фон нанесён мой стишок дурацкий,
и какой Аполлон внушил его мне, раздобрясь!
А каков Аполлон, такова и его Эвтерпа.
Таковы и иные: дриады, друиды, духи...
Мне бы только успеть проорать, не сбивая темпа,
что-нибудь посмешней из кромешной моей чернухи.
Мне бы только покрыться пупырышками озноба,
мне бы в гавани спрятаться, не поднимая флагов.
А лавровые веники пусть разбирают снобы
на каких-нибудь их коллективных архипелагах.

ОТЛАДКА (1986)

*из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.*

Б.Окуджава

Когда я надену тапочки
и дню подведу итог,
мой дом обратится в капище,
где витает в обоях бог.
Но не светлый, от века благостный,
влюблённый в меня и в вас,
а босс, безжалостный к слабостям,
закованный в «Адидас».

Прогрессивен божеский промысел:
не кудесник, но – программист
по последнему слову Кроноса
оборудовал Парадиз.
Над клавиатурой скрючившись,
диодами посветив,
он выведет яркость ручками
и выйдет в интерактив.

Но ничуть не запахнет жареным
и почти не станет светлей,
когда полыхнёт скрижалями
неопалимый дисплей.
И рубя, как ракеткой погнутой –
вверх и вправо, влево и вниз –
бог разделит на файлы комнату
и загрузит на чистый диск

Он введёт подправленный радиус
пространственной кривизны
и засвищет, сангвиник, радуясь,
предвкушая конец возни.
За квартирой – квартал, республика
и Вселенная вся, легка,

и хлопчет небесная публика
под мотивчик из ХТК⁴.

Ты прости-прощай, коммуналочка,
универсум родной, адью!..

Демиург мановением пальчика
всю материю свёл к нулю.

Вот сейчас он натянет тапочки
и дням подведёт черту,

и не жалко ему ни чуточки
Вселенную нашу, ту.

Юзер будущей генерации
протестирует интерфейс,
к райским яблочкам просто-напросто
игнорируя интерес.

Райский сад разделил на секторы
и, как будто играя в блиц,
он уходит от вивисекторов –
до ребра бы не добрались!..

Всё в итоге опять по полочкам:
мрак на нижней, на верхней свет,
только нам в этом всем с иголки,
кроме ящика, места нет.

Что ж нас гонит – дрожать над безднами,
кейфовать, потупясь в надир,
из грехов мироздания бедного
сотворивших себе кумир?

⁴ ХТК – *Хорошо Темперированный Клави́р* (И.-С. Бах, 1685 – 1750).

ЭПОС И ПАФОС (1985)

Дан допинг спортсмену и кофе Бальзаку,
и зелье шаману, и водка Джек Лондону,
но радужный вздор дорогого дензнака
не дан моему вдохновенью холодному.
История сожрана эпосом ложным.
Растрочен весь пафос на склоки и жалобы.
Пегас мой замучен мочалом подножным.
Чья муза бы пела – моя помычала бы!
Конечно, я знаю, на что я надеюсь,
когда я тачаю безделки бесплатные.
Но Эпос и Пафос – как Фобос и Деймос –
то грянут из прессы, то канут, неладные.
Отставленным локтем встречаю опасность,
вминая коленку в ступеньку троллейбуса,
и прячу – до встреч с контролерами – пафос.
Продолжим наш перечень: время для эпоса,
Дан Пушкин Дантесу и деньги Иуде,
отгружены яблоки Еве и Ньютону.
Да если б не знал я, как именно будет,
то чёрта ли мне развлекаться дебютами!..
Смирить бы гордыню горбатой гортани,
алтыну и тугрику не соразмерную!..
Но нет – я стартую. Швыряйтесь тортами.
Меня не исправить и высшею мерою.

РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ (1984)

Тебя солнышко освещает
в час полуденный со спины.
Под невидимыми вещами
твои нежные части видны.

Там, где лозунг, что люди братья,
на фальшивом висит щите,
ты, как факел, горишь из платья
офигительным декольте!

Видно то, что обычно не видно.
Удивительный феномен:
мне бы мухой влипнуть в повидло
или шхуной вломиться в мель!

Мне бы кинуться сквозь трамваи
раскусить твою вкусноту!..
– Что ж я, можно сказать, зеваю
и приличия чту!

Ты подобна продукта грамму,
дорогому, как дефицит.
В Продовольственную программу
позабыли тебя включить.

– Накорми! Утоли собою!
И – пожалуйста! – напои.
А не то – *рубай* завую,
новоявленный Навои!..

Что же ты ухмыляешься, злая,
вызывающе загрузив
мускулистые Гималаи
в заграничный прозрачный лиф!

ВЕДЬМИН МУЖ (1984)

(I)

Когда чертовщина ползёт по Москве,
и каждый рассвет одинок, как последний,
идуший к потёмкам, и теплится свет
светила, чей профиль, как противень медный –
пруды Патриархии брошены в сквер:
они за решёткою будут безвредней...
В такое-то время – ты! – сделалась ведьмой?!..
Когда чертовщина летит по Москве?!..
В короткой записке – враньё и издёвка –
должно быть, писала ты навеселе.
Я знаю, к кому улетела ты, ловко
круша фонари, на своём помеле!
А я возвратился из командировки
и – нет тебя. Только листок на столе.

(II)

Пока газеты шелестели,
взывая к классовой войне,
летели светлые недели
в арбатской лёгкой тишине,
бил в окна май зелёной масти,
план перекрыв по листажу.
Мещанское, но всё же счастье
зажгло, казалось, абажур.
Пока вполсилы миллионы
ложатся в ров за рядом ряд,
горят Арбатом лампионы,
а рукописи – не горят,
и в скучной суতোлке службы,
между планёрок и речей,
единственный твой профиль нужный
вставал из пепла чертежей.

Но пробил час нечистой силы,
всплыло весомое дерьмо,
и чёрным вороном настигло
меня безумное письмо.
О как прозрачен шифр твой детский:
Я стала ведьмой. Не ищи».
Да как найдёшь тебя в советской
полярной ночи и глуши!
Ни гром, ни ветер не ответят,
где труп твой – сколько бы ни звал,
и даже дьявол не ответит
за то, что правит этот бал.
Лишь пляшет мразь поганой стаей,
круша сознанием бытия,
и всё живёт и побеждает
афера вечная её.

МУЗЕЙ (1983)

(Из архива бывшего плохого, а теперь хорошего поэта)

*Заходите, пожалуйста, это – дом поэта.
Д.Самойлов*

Мемориал ещё закрыт: пока что я живу,
Пожалуйста, умерьте прыть, не лапайте вдову.
Ещё ремонта не было, из всех щелей сквозит.
Нет подходящей мебели: на даче реквизит.

В квартире грязь не убрана, гори она огнём.
И дерево не срублено над знаменитым пнём.
Тетрадки нет линованной для рукописных нужд
(в ней будет *бред рифмованный*, который *массам чужд*).

В спецхране не пылится крамольный экспонат.
Убавьте скорбь на лицах: не мученик не свят.
Сперва дождитесь акции, чтоб я хотя бы сел.
Пока прогнозы так себе: завал подобных дел.

Как сладко вам поплачется в кругу моей родни,
когда, как всюду значитесь, за мной придут *они*.
Сквозь смрадное дыхание грядущих понятий
мне судорога заранее уродует поддых.

Вот-вот всё будет кончено. А вам пора бы знать,
в чьей лапе перепончатой музейная печать.
Пока что не зевайте, закупайте фимиам.
Когда здесь побываете – валяйте в филиал.

ЦИРК (1984)

Пора, пожалуй, в цирк, в программе наше время.
Приобретён билет по благу и в кредит.
И вот – угар фанфар клокочет по арене,
гремит мотоциклет и из вольер смердит.
Ещё летит манеж по замкнутой спирали,
сливаясь сам с собой и взлёт в зенит суля,
ещё медведи жмут на нужные педали
и празднично режут, балдея у руля.
Но вот – уж не смешно от липкой оплеухи,
осточертел атлет с гирляндой ватных гирь,
и в ложу царскую уже слетелись мухи –
там, репетируя, кровоточит упырь.
Коня! Скорей коня! Полцирка – за Пегаса!
Сперва – хоть пару слов, а там – да будет свет!
Притихнет бенуар, и зрительская масса
шталмейстера сметёт и сменит худсовет.
Займут свои места патриции трапеций,
распределит жонглёр в пространстве семь шаров,
исчезнет вурдалак, оркестры грянут скерцо.
– Виват, прекрасный цирк в прекрасном из миров!..
Но как коварен маг! придурковат ковёрный!
Как публика мудра, где следует – смеясь!..
А мы – под куполом. В дверях торчит дозорный.
Он вырубает свет, и – кончен наш сеанс.

ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ (1987)

Спрашивает мальчик: «Почему?»

А папаша режет ветчину.

А.Галич

А у девочек банты и шапочки,
а у девочек мамы и папочки.
А у мальчиков – отчимы-мачехи.
Для чего только сделаны мальчики!

Для чего с ними цацкались сызмала,
Изнуряли касторкой и клизмами,
поучали: «Не надо печалиться»,
«будь здоров и спасибо-пожалуйста».

Приносили по праздникам пряники,
притворялись, что нравится в пряталки.
По утрам приседали, как шизики,
репетиторов брали по физике.

То гоняли на сборы-собрания,
а теперь – как тельца: на закланье.
Не на горку библейскую с кущами,
а в ущелья, что за Гиндукушами.

Там давно уж освоили местные
топоры и приклады железные
и другие железные методы
против тех, кто суётся с советами.

Но под сенью матчасти ракетчики
свои брекфасты сдобрили кетчупом,
загрузили нефтяники Каспия
до отказа цистерны бокастые,

и уже наши славные соколы
по бетонке по взлётной процокали.
Ничего, что дождливо да пасмурно,
помашите рукой вашим пасынкам.

Им споют подсадные товарищи
и про пыль от сапог от шагающих,
и что Запад есть Запад, и мало им,
и что флаг пронесём незамаранным.

Пой, романтика, тропами Каина,
герметично в бессмертие впаяна.
Вот для этой – свинцовой – романтики
вы и сделаны, стало быть, мальчики.

КАРНАВАЛ (1987)

Карнавал стартовал! Веселись, стар и мал!
Посмешнее напяливай маску!
Был дурак – стань болван, был чердак – стань подвал.
Жизнь была? – а теперь будешь сказка.

Вот проходит добро в облачении зла
(ну, его-то узнать мы смогли бы!)
Джентльмены с утра забивали козла.
А забив, опознали в нём рыбу.

Удивительный мир! Что ни правда, то – миф,
что ни шутка, то – истина злая.
Только скроешь кумир, на другой заменив –
«Маска! – слышишь, – а я тебя знаю!»

Стала пешка ферзём, «Спартаком» – «ЦСКА»,
притворяется червою пика.
Кто свистал соловьём, тот пустил петуха,
златоуст оказался заика.

Карнавал! Карнавал! Развлечений – завал.
Частный сектор раздула халтура.
Где-то лесоповал, а у нас – карнавал!
Выше всяких похвал – режиссура.

.....
Я без маски бреду. Я иллюзий лишён.
Я слоняюсь от края до края.
Кто в калашном ряду с человечесьим лицом?
– Маска! Я тебя, кажется, знаю.

АВГУСТ-91 (1991)

Мясорубку заклинило – ныли «Реквием» Моцарта,
Созревала яичница под роман о Мегре.

И мазурики штатные сообщали про проценты
и про новое мышление в застарелом Кремле.

Президенты, как мальчики, то дружили, то ссорились.
Парвенозные новшества обживали эфир.

Я лелеял в блокнотике графоманскую скоропись
и цинично прихлёбывал бесполезный кефир.

А металл неподъёмен был, и не стоило пробовать.
Бард мяукал, что, якобы, занималась заря
(чем, хотелось бы выяснить), и в настырную проповедь
Я вникал безнаказанно и грешил втихаря.

А когда, дирижируя гениальным адажио,
Мэтр (не помню фамилию) всё сердцами владел,
Я в режиме анапеста рифмой текст унаваживал.
а к *staccato cantabile* неприлично храпел.

После дня чёрно-белого, трёхпрограммного нытика,
зачерствела действительность, как вчерашний батон.
А заря, как безумная, занималась политикой.
и такой отвратительной, что об этом – потом.

ИГРА (1992)

(Прагматически)

Что значит «творчество»? – Оно игра.

Не надо морщиться, водить пора.

Не жалкой салкою, не в домино,

а – вроде сталкера (см. кино).

В ночи торжественной, как балдахин,

жужжат торгующие барахлом:

– Да это ж лежбище баллад и схим...

– Нет, это гульбище шарад и хохм...

– Ах, это поприще ума и чувств!..

– О, вакханалия слогов и нот!..

(Скептически)

Да это, знаете, мура и чушь.

кому не налили, тот и не пьёт.

Цугцвангом шествуя из бара в холл,

упал вистующий: был мал да хил...

Там и торгующие барахлом,

где храм торжественный, как балдахин.

(Романтически)

А в уютной хижине, ковчеге дум,
как неподсвеченный, бледнеет ГУМ,
летают чижики, свистит лапта,
и лунным светочем ночь залита.

В сиянье месяцев, в потёмках дней,
миры мерещатся миров чудней.

Они реальнее вещей и тел.

Не тьма анальная, а леса тень.

Не скрежет лифта и не шины всхлип,

не ворон, каркая, роняет сыр,

а – шорох лиственниц, рыданье лип,

дриада арфою струит эфир...

Эфир, как плазма, а душа – фужер,
да не преполнится ея объём!..
Наглядным пламенем из фибр, из жерл
да вспыхнет Творчество – Игра с Огнём!

ПО СПИРАЛИ (1994)

Творец – теоретик скорее, чем практик.
Венец арифметик – скопление галактик.
Но график развития космоса в точки
по мере прогресса подтянет виточки:

Земля – не звезда же! Пустыни и горы
за место в пейзаже не кончат раздоры,
пока не покажутся – как в окуляре –
двуногие злые смышлёные твари.

Под ними скребутся невинные мышки,
беседуют буквицы с буквами в книжке,
которые молча строчит авторучка
(такая писучая тонкая штучка).

Ползёт паучок по седой паутинке,
качается пчёлка на тощей былинке,
красивая бабочка крыльями машет,
полезный микроб создаёт простоквашу.

Урчит протоплазма в невидимой клетке,
молекула страстно прильнула к соседке,
и вирус становится собственным братом,
и непредсказуемо крутится атом.

Протоны вращаемы (судя по *спинам!*)
и неисчерпаемо *антинейтрино...*
Но даже ему не прорваться на волю –
за рамки единой теории поля!

ОБМЕН (1987)

Со столбов обрываю листки телефонного кода.
Ты готов на обмен? Предложения жажду и жду.
Мне желателен рай с безраздельною райской свободой
за кромешную тьму, совмещённую с пеклом в аду.

Пусть отныне кружат надо мной мои синие птицы,
пусть топырит смешно простодушные перья фазан.
Не взглянуть бы назад и от жалости не обратиться
в камень или бревно, не рвануться бы только назад!

Ты готов на обмен? только честно! Отдам без обмана
за любовь каламбур, в которых считался мастак,
за снижение цен – Ювеналовы стрелы (с колчаном!)
и бесплатно – от юмора: чёрную метку и флаг.

Разве розы мои рождены из паров керосина!
Разве выживу – злясь, выражением общим безлик!..
Жало *злыя* змеи возвращаю теперь Серафиму
за непламенный взгляд и за свой, хоть и косный язык.

♥ ♥ ♥ (1984)

Марине

Птица голубь на фоне помойки,
в клюве ветка, в руке карандаш,
в небеса не взлетая нисколько,
я клюю то, что дашь.

Я всё время фатально впадаю
в э-ле-ги-чес-кий, кажется, тон.
Я воркую, топчусь, унываю
и не знаю, что будет потом.

КОГОТЬ (1985)

Индейка держит коготь на курке:
царапнет – и её в расход, как мавра.
А у меня – бубновка на виске (как на висте)
и – на песке – прогноз на завтра.

Я думаю: «Не тронет чертежей
легионер, и не сгнию в оковах».
А между тем, истец его законов,
клинок тяжёлый, нитку рвёт уже.

Не как когда-то Парка-ротозейка,
на службе, а со спицами в руке –
индейка держит коготь на курке...
Да он увяз! Подать к столу злодейку!

И – специи на языке горят,
и повар, как авгур, покончит с птицей...
Я, правда, не сторонник *ауспиций*,
но закусить (и выпить!) был бы рад.

Индейка держит коготь на курке.
Жаль, без меня произойдёт застолье.
Но я взмахну крылами – налегке,
исправив горб отверстием игольным.

* * * (1984)

Секунды притворяются невредными,
но щёлкают зубами-карабинами,
как индикатор радиоактивности,
мигают многоточиями красными.

Минутки притворяются нестрашными,
малютками повышенной красоты,
компьютерами в ваннах керосиновых
лелеют постулаты Архимедовы.

И предстают смертельные заведомо
week-end'ы байбаками безобидными,
карманными такими пятилетками,
урывками дискретного столетия.

* * * (1994)

Как игрушечка нам космос упакован.
Мирозданье, как лакей, предупредительно.
Окна-двери облицованы подковой
(а лягнёт – так ведь для пользы и развития).

Все персты укажут путь, идти куда нам.
Что ни нотка, то аккорд или мелодия.
Кажный кустик расцветает *икебаном*.
Всяка буковка *чичас* из-под Мефодия.

Так и двигаемся в нужном направленьи
с подходящими знамёнами и песнями,
авангард очередного поколенья,
неизбежно выбирающего пенсию.

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК (1968)

Не осталось мне радости, кроме
как уродовать ямб и хорей.
Приюти меня, пряничный домик,
Робинзона в толпе дикарей.
Под твои шоколадные своды
тихо-тихо пройти разреши.
Дай мне капельку сладкой свободы –
скрыться в тёплой ванильной тиши.
Позабыть безобразную прозу,
внешний мир, неуклюжий, как шкаф,
чтобы мне – только сладкие розы
в разноцветных конфетных горшках.
И – где вафли паркетные сохнут –
в мармеладовом кресле лежать
и смотреть в леденцовые окна,
и сквозь них ничего не видеть!

В ОЖИДАНИЕ ТРАНСПОРТА (1986)

В ожидание транспорта позволим
поиграть с собой в свободу воли.
Вот сижу я в Болдинском лесу.
и Жар-Птичек шариковых перья
я грызу, как Пушкин, и теперь я
пользу несомненно принесу.
Привнесу в родимую словесность
кое-что несвойственное ей.
Средь еврейских болдинских корней
(на арапа выбранная местность)
пятистопный отыщу хорей
да как стану им дундеть и гукать,
классиков занюханных аукать
лирой ненастроенной моей.
Старость, нерастраченную съюна,
мне на то оставила фортуна,
чтобы это...⁵

⁵ тут, прервав стихотворчество, подошёл трамвай...

В МЕТРО (1985)

Кто скачет, кто мчится, а кто – на метро,
и в недрах читальных вагона,
портфель упирая соседу в ребро,
листает Дюма и Дрюона.

Гремит кольцевая что твой циклотрон,
травмируя органы слуха,
и буква протоном пронзает вагон
с космической скоростью духа.

А мне – в непомерной гордыне моей –
и книжек читать неохота,
я сам себе автор: Щедрин и Мольер,
сам Дант и за Вальтера Скотта.

Я делаю сам и сюжет, и мотив,
и, как подобает Поэту,
я, лично священную жертву забив,
зову Аполлона к ответу.

Леплю в подземелье слова на слова,
осталось расставить акценты.
Закончу – и сразу мне всё – трын-трава:
ведь я не нуждаюсь в оценке!

Я сам высший суд! Из туннеля на свет
лечу как на крыльях – не хуже!
И ликуя, ответ мне поёт Мусагет,
а мне он – и на фиг не нужен!

ХАРАКИРИ

Всхлипывая, пела утроба утра.
Солнце жёлтое взошло, как блевота.
Город потягивался. Около полутора
зевак в зоопарке глазели на бегемота.
Магазин зевнул оскаленной дверью.
Солнце от стёкол отскочило, как мячик.
Осторожно, словно слон по подземелью,
в дверь вошёл маленький мальчик.
Людьми и солнцем кипел переулок.
По фонарям проходило время.
Мальчик, купивший дюжину булок,
важно шёл, перепачканный кремом.
Вдруг... Толпа – остановилась и сжалась.
Весело заблестел Фудзияма.
Мальчик вытащил засосанный палец.
Бегемот икнул и сплюнул в яму.
Солнце, закричав, накинуло тучку.
Рикша закурил сигарету.
Рабочие, которые несли получку,
остановились возле буфета.
А там! Под тонкой! японской! акацией!
Как будто это просто! Как чирей!
Раскосый и толстый! держатель акций!
озабоченно! делал! себе! ХАРАКИРИ!..
Ещё мгновенье: тело прикрыли.
У бегемота прошла икота.
А по небу белые тучки плыли
и солнце – жёлтое, как блевота.

КЛЯЗЬМИНСКИЙ ПАНСИОНАТ (1967)

Мокрое ухо снега сосёт деревня.
Древне пелятся окна.
Хочется кокнуть стёкла,
чтоб убедиться, что они – не бычий пузырь.
Бессловесна снежная ширь.
В отдалении лес.
А у леса медведь на уме.
Здесь сидишь, точно в тюрьме,
словно в белой тюрьме,
где решётки – вёрсты до города.
А устроить побег
через снег –
хло́отно, дорого.
Буду сидеть, как сурок –
отбывать свой срок.
Зато – через пару недель –
брошу этот мёртвый «отель»,
где живу сейчас постояльцем.
Зелёный огонь поманю я пальцем
и вкусно глотну знакомый запах бензина.
И вот уже в ночь вонзила
автомашина
резкий, как стон
(или лучше: как крик)
острый
 жёлтый
 двойной
 язык –
 фар.
 Скорость.
Час.
Стоп: тротуар.
Лампа дневного света.
Должен быть где-то...
Ах, вот и он –
неон!..

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НОЧЬЮ (1969)

Стихи, написанные ночью на чёрном,
до переписыванья набело утром,
стихи, в которых содержание спорно,
и где незабываемая форма минутна.

Где, точно ногу, отсидев запятую,
бредёт, хромя, по строке препинанье,
стихи, написанные ночью, впустую,
не отражающие суть мирозданья.

Не приводящие к познанию истин,
не одарённые богатством сравнений,
нагие формулы, сырьё, полумысли,
полунамёки, полусны, полутени.

Полукаракули, где почерк невнятен,
полускрываемые матовой тайной,
они, как призраки, висят над тетрадью,
стихи, написанные ночью, случайно.

Ночная сказка, что сознанием мудрым
глазам рассказана, внимательным детям.
И что – что трезвым и расчётливым утром
пирует проза, а стишок неприметен!..

* * * (1998)

Софье Михайловне Олиновой

Как сказать – тихо или погромче?
Да, пожалуй, лучше будет потише.
Хотя можно и грохнуть что твой погромщик:
как война, рифма всё спишет.

Это розы её, метаморфозы,
пресноватая кровь сам-друг с бровью
расправляют в плавленный сырок рожу,
(и моя – гляди – вымя коровье).

И проходит жизнь, и почти рядом.
Покопайся в склизких её анналах.
Ну, не рифму сыщешь настырным взглядом –
хоть в обмылках быта – её аналог.

За которым – когда он как звук подан –
в потрохах эпохи ни эха: тихо.
Вход забыт; выход забит кодом...
Выйти так, иначе ли?.. Метод *тыка*

всех надёжней, ибо – и в том хохма! –
жизнь сама утечёт, бурней рвоты.
Но – сама-сама, а всё ж *так* хоть бы,
а *иначе* очень уж неохота...

А зависит ли судьбы окончанье
от того, как зависнет луна в туче?
От того, засвистит ли в свисток чайник?
И от громкости слова?..
И как – лучше?

* * * (1995)

Покоя нет.

А.Блок

Опять всё застыло? – Да нет, не скажи.
Меняется кое-что в мире.

Вот вышли из моды кривые ножи,
удобные для харакири.

Вот разумом быстрым играет *Невтон*,
вот дактиль сменился хореем.

И мы изменились – не в этом, так в том:
лысеем, болеем, стареем...

От звёздных громадин и до хромосом,
из вечности дёргая время,
весь мир шевелится – как ёж под кустом,
как плод, извиняюсь, во чреве.

Вселенная, может, спокойней была б,
когда б её не торопили,
умыла бы руки, как Понтий Пилат,
умерила б рост энтропии...

А то, если далее тем же путём
ещё хоть чуть-чуть похромаем –
что будет! Ведь каждый лептончик учтён,
и – вот она! – смерть тепловая.

Всё крутится даже быстрее, чем вчера.
Покой не предвидится, вроде.
И как бы не вышло чего – несмотря,
что ножики больше не в моде.

* * * (1994)

Тяжело в раю, когда легко в мучении.
Бремя – выбора: религии ли, знамени ли.
А посол ты по особым поручениям.
А поручена тебе *езда в незнаемое*.

Привёзешь ли мал цветок или незна́мо что –
в пятилетку пятизвёздную уложишься ли!
И глядишь: уже давно невеста замужем.
И не как-нибудь, а впятеро размножившая.

Либералы обернулись патриотами.
Митингующие снова триколоры несут.
Только публика всё теми же заботами
обозначена: распивочною стоимостью.

Ну, и стоило гонять машину времени
и за тридевять веков выкобениваться,
если всё-таки верна Татьяна Гремину,
а в Стучигороде слёт юных бериевцев⁶!

.....
За нетленную строкой в подсознанку влез.
Не поднял, а почесал длань бессовестную.
Не нашарил ничего – пыл и вышел весь.
Ну и ладно. Ну и хрен с ней, со стоимостью.

⁶ Я потом узнал, что в Волгограде, существует организация «юные бериевцы»

БЕСПАМЯТСТВО (2011)

Близится осень. Брюзжит, сердится.
Листья скукоживает всё злее.
Жизнь на исходе. Грядёт 70.
С чем ковыляю я к юбилею?

Десятилетия за десятилетиями –
чем я был занят? Какою хренью?
Что́ в результате? Каракули эти ли?
Пара-пятёрка стихотворений?..

Взмыть ли в гордыне? Почить в скромности?
Даже не знаю, как строить фразу...
Где вы, события? Ау, подробности!
Время – дискретно: от раза – к разу.

Ждёт ли геенна меня, небо ли –
всё одинаково далеко мне.
Со мной никогда ничего не было,
потому что я ничего не помню.

КАКТОПИСЬ? – ТАКТОПИСЬ! (2011)

Каждая буква на вкус – кекс.

А вместе – пляшут онЪ трепака

1970-е

Кактопись. Где бы ни баловство –
музыки всюду звенит злодейство.
Телек бесстыжий свой тычет ствол –
дуло для пробиванья отверстий
в плоти – чтоб улетела душа
от телезрителя, в том числе, и –
закувыркалась, на брудершафт
с богом поддавши, но так же тля,
как и отверстая дулом плоть,
плотность теряющая со свистом.
Старый усталый стою остолоп.
Вою слова безголосым солистом.
Всякое слово на вкус – соль.
И ноется на такой же ноте.
Сон ли сусолит словесный стон,
стол ли застолье сулит в блокноте...
Белкой по ёлке ли промелькну,
ляпну ли мысль или смехом брызну,
рыкну *горланом* ли на луну,
лирика ли прикину харизму –
всё-таки *тактопись* пестует стоп
поступь, и пусть потупятся те, кто
не поступились седым мастерством,
псевдопаря кистепёрым текстом...
Чуйства поэта-то – это же то,
что отличает его от прочих.
Розы сморозят его торжество.
Кровью любовь запузывает почерк.
Ахнет *либидом* его строка
Пахнет ли телом, карбидом, пищей –
Вечность – не фраейша. И – легка,
и бескорытна – почти, как нищий.

ПРОЩАЙТЕ, МУЗЫКА... (2011)

Прощайте, музыка... Но если не она, то –
чем заполнять пустую пустоту,
пока патологический анатом,
фанатик скальпеля, не подведёт черту.
Он, как фантом, увы, неосязаем.
Его тампон не причиняет зла...
Не так ли мы симфонию кромсаем,
пока она от нас не уползла,
мелодией смертельной обливаясь,
как лебедь умирающий – нежна...
Что, музыка, нам Ваш немодный танец –
сейчас, когда – иные времена!..

МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ (2011)

Мудрость плюс мастеровитость
это алгебра для всех.

Результат сложенья выдаст
офигительный успех.

Надо жить не понарошку,
не мышом со склада дней –
поверяй свою гармошку,
пусть пиликает складней!

Чтобы жизнь предстала сказкой,
да прекрасной, а не злой –
не с прозаиками кафкай –
с поэтесской небосклонь!

Мир обыденности тусклый
повода порвёт и пасть.
То нажмёт на кнопку пуска,
то за денежками – шась!

Тот же, кто мудёр и мастер
(догадались? – Это я!) –
выше страсти, выше сласти,
секса, бакса, бытия.

Он, смеясь, по небу реет,
он касается травы.
Он и светит, он и греет,
он и радуется.

А вы?

МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО (2002)

Моё «КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ».

Моя вДали «ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА».

Мой «МЕДНЫЙ ВСАДНИК», медного уняв
лихого скакуна, чей вздорен нрав,

зрит медным взглядом⁷ (для внушенья страха).

И спят мои, натужась, «БУРЛАКИ

НА ВОЛГЕ» – на ходу, но сбросив скорость.

Мои «КУРИЛЬЩИКИ», а может, «ИГРОКИ»,

понурясь, как и те, что у реки,

храпят, клубясь, в густой траве по пояс.

И в адрес жён их, крашенных красуль,

моя «ДЖОКОНДА» хмыкнет плотоядно...

«НАД ОМУТОМ» моим сверкнёт лазурь,

и сколько, мой «ПРОРОК», глаза ни щурь –

на мне не отыскать порока пятна.

Напрасно «ОБНАЖЁННАЯ» моя

влечёт меня в объятья всё смелее.

О как бы в них хотел очнуться я,

когда бы не валилась на меня

Вселенная в «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»...

О, мой «ЛАОКООН»... Я сжат кольцом,

удаву в зоб протиснут массой вязкой...

Ещё момент – и жизнь пройдёт, *как сон*.

Он выплюнет завязку от кальсон,

и вот: стихотворению – развязка!

⁷ «...я знаю, что если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно он неминуемо убьет его.» – Д.Хармс

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ (2011)

Город дорог ли? Добр? Зол? –
Я не просёк мозгом.
Слухом неловким ловил узор
звуков; хрипел гриппозно.
И пренебрёг турниром самцов,
пунцов внутренним цветом
(долгий утробных низов зов
не удостоил ответом).
Только я глянул вскользь сквозь
чуждый видоискатель –
тут же трофеем его унёс
неприятель... или – приятель?..
Ветрено кашлял. Высушив пот,
топал по пыльной плитке...
В общем, вышло, что я не тот:
не кот, до вкуснот пряткий.
Публику зля или веселя,
в скучной увяз вате...
Так что я оказался – я.
Сам себе адекватен.

* * * (2011)

Елене Морозовой

Я выжил в хрупком мире чемоданном,
убитом злобным глазом полицейским.
Я вышел в свет с отмычкой от неба,
простой односторонний человек.
Меня пугал примерный биоробот,
пока я плыл, летел, пока вращался
в мерцающем ромашковом фокстроте,
пока я фрукты райские вкушал.
Я в небесах носился храброй птахой,
произносил смеющуюся ноту,
но мне не зря сияет глобус Солнца:
я заблужусь в фиалковых полях...

ЖНОСТЬ И НЕ-ЖНОСТЬ (2012)

(проба рыбы)

Свирепая Жность (Злость),
зверя, как часть речи,
когда улеглось
всё, что из углов
дымилось – кар-течью,
когда, углеглаз,
взлетел водолаз
из зяблых глубин, воя,
когда ей пришлось
удерживать Злость
от боя с самой собою –
вот в этот момент мент
вихнул рукоять только,
и вычурный кольт финт
сыграл, как поляк польку.
Неверное НЕ
звенело вовне,
наверное, трелью нот.
И Нежностью за-
пела слеза
залившая Злость (Жность)

* * * (2011)

Я же вроде как Дон Аминадо:
он считался стиха акробат,
вот и я тоже... Музы же надо
мною невинный блюдут целибат.
А которая, может (случайно)
плешь Поэта заденет крылом,
та торопится сразу же в ванну –
смыть, пока не засёк Аполлон.
Ну, а я, от нежданной удачи,
как обычно счастливые – глуп,
хохочу и рифмую, и плачу,
вдохновенья халявно вдохнув.

* * * (2012)

*Пётр шёл на петинг,
а Дмитрий – на митинг...*
Андрей Воркунов

Шёл Виталий в Капитолий,
а Валерий в баптистерий.
А Натан и Анатолий
то ли встали, то ли сели.
Пионеры пели горном.
Или горлом. Гнал матерый
ангел чопорный и горный
из уборной аматёра.
Не терпел Георгий оргий:
был он оргий не сторонник.
И – героем стал Георгий,
драконьером древних хроник.
Все ребята как ребята,
и судьба ли виновата!
Так ведь может и с тобою
получиться с перепою!

КРЕДО (2012)

Вот иду я в направленье цели,
подозрительно на встречных глядя.
Ну как кто-то, микрофон ощеря,
крикнет: «Изложи-ка *кредо*, дядя!

Ты же стар, ещё вождей Союза
поимённо помнишь и конкретно.
Отрастил – гляди, какое пузо...
В общем, предъяви, дедуля, *кредо*».

Что сказать, не перепутав тона?
Где сыскать приемлемое *кредо*?
Кредо – это ж там, у тех, которых...
Кредо – у премьера, у полпреда.

У главреда или у поэта.
Может быть, у милиционера.
Кредо не разменная монета.
Кредо не исполнишь под фанеру.

Кабы у меня бы было *кредо*,
разве б я бы чикался тут с вами!
Я уже у цели был бы в среду
(может, и во вторник, но едва ли).

С *кредом* не рождаются солдаты.
Креду не научат в средней школе.
И не получить его по блату –

только сделать личною рукою.
Так что диктофон давай отключим
и ослабим у подтяжек лямки.
А про *кредо* – помозгуем лучше –
нужно ли оно простым людям-то!

* * * (1997)

В понедельник каждый-всякий,
ежедневный, ежегодный
старичок шестидесятник
то в метро, а то пешком
всё лелеет плешь седую
под беретиком немодным
(хорошо б его не сдуло
мимолётным ветерком).
Он был свойственник по духу
диссидентам бородатым.
Где ни глянет – всё чернуха,
всяко лыко в общий счёт.
И теперь, совсем как прежде,
как патологоанатом,
он всё правду-матку режет,
т.е., так сказать, *сечёт*.
Он выходит из трамвая
и из метрополитена.
Он, как пешка проходная,
переходит переход.
Веку атома и СПИДа
новый век идёт на смену,
а тому до суицида
остаётся, может, год.
Старичок, держи беретку,
нос по ветру (револьвером)
да присядь на табуретку,
дорогой интеллигент.
Нет в ногах (и выше!) правды,
в голове (и ниже!) – веры...
Нэ журыся, всюду прав ты.
Наступает *хэппи-энд*.

КАК ПРИНЯТО... (1994)

Как принято у нас на Востоке,
 который, как и Запад, ни с места,
любая маломальская песня
 имеет посередке цезуру,
похожую на маленький синус
в его неположительной части,
дотошно соблюдающий фазу
 движения в двугорбом режиме.

Как принято у нас, у приматов,
 в приличных и порядочных стаях,
уныло, как студентки N-фака,
 где N определяется ночью,
выходят от и.о. Гутенберга
 на волю – чистой повестью тексты,
крутящие в районе Динамо
 свои договорные сюжеты.

Как принятая вовремя доза
 от холода спасёт и от СПИДа,
фигура умолчания смысла
 восполнит недержание слова.

Как принятый в почётные члены,
 миг, якобы прекрасный, недвижим,
и прыгают по строчкам поправки,
 как принятые в первом же чтенье.

* * * (2000)

Извилины как ясли мысли.
Листки бумаг – её пелёнки.
А ну-ка, Солнце, ярче свистни
и мысли высветли потёмки!

Там, в закоулках трансцендентных,
прижали ушки, как зайчатки,
ещё нейтральны, точно деньги,
её невнятные зачатки.

Но то, что там тихонько снилось,
обрушась миру в гулкий бункер,
на плюс развалится и минус,
на как бы золото и пурпур.

И мысли яростная юность,
равно открыта тьме и свету,
не сожалея, не торгуясь,
распустит золото по ветру.

Но не один сыграет в ящик,
когда в пурпурном одеянье
она, подросши и набрякши,
осуществит себя – деяньем.

Когда в экстазе вдохновенья
дойдёт до ручки и до точки
и зафиксирует мгновенье,
соединяя проводочки.

Весь Универсум исковеркан
исчадьем сморщенных извилин...
О мысль – маньячка, изуверка,
как фейерверк твой замогилен!..

БУКВЫ И ЦИФРЫ (2001)

Как неверный супруг, урка мафии,
или, как агент ЦРУ,
я живу двойной биографией
и, наверное, так и умру.
С утра, развозящий цифры
по вдрызг ледяной Москве,
я ночами играю в игры
с буквами: А, Б, В...
Вроде граней кубика Рубика
(но проворнее) их кручу,
и в скрипе мне слышится музыка,
одна из моих причуд.
Может, бледная или резкая,
а по мне – как раз в аккурат,
за застиранной занавескою
бормочет всю ночь подряд...
Но наступит число на грабельки
в одно из пасмурных утр,
и те цифирки как кораблики,
в рублик сложены, приплывут.
В этой связке – Рубики-рубрики –
компоненты равно важны.
Суммы пусть будут кругленьки,
остальное – любой длины.
Приручившему стаю ангелов
зла-добра не пресечь черту...
Как атлет, увенчанный штангою,
равновесие грузов чту.
Может, цифирки повесомее:
их ведь меньше на тот же вес!
Но зато от них больше оскомины,
а от буковок больше чудес.
И пока эскалатор стонущий,

обживаемый мной встояка,
репетирует рёв чудовища,
я, подрёмывая слегка,
чудесами и пользой схваченный,
балансирую на тропе,
как отец перекрёстной мафии
или ставленник КГБ.

* * * (1999)

Дм. Авалиани, , А.Бубнову, Г.Лукомникову, С. Литвак – мастерам

Палиндромы, анаграммы, *листовертни* и т.д.
рыщут как бы за горами и в неведомой воде.
Наклонись за отраженьем, глянь – и вытянешь сюжет –
и из пальца, и из жмени, без страдальцев и без жертв.
Без какого-либо катор-

жного рабского труда
с симметричного плаката в рифму лезет ерунда.
Но за этой ерундою, незаметные почти,
славу стройке и удою запевают трубачи.
Они дуют, поддувают, раздувают смысла свет,
но выводит их кривая в те края, где смысла – нет.
И бесформенная заумь кличет книжку и тетрадь
плакать твёрдыми слезами, *красным смехом* хохотать.
Ни сюжета, ни морали, из трезвона бубенцов –
чики-брики, трали-вали, ёксель-моксель, *цекон цов!*..

СОЗИДАНИЕ (1997)

Бог создал бороду. Чёрт с бритвою пришёл.
Бог создал глаз. Враг сделал телевизор.
Бог дал любовь. Шайтан открыл сексшоп.
Бог – край Обетованный. Дьявол – визу.
Бог дал дорогу. Дьявол – автостоп.
Бог дух явил. А бес придумал букву.
Бог – снова глаз. А этот – телескоп.
Бог – сладкий сон. Чёрт – раннюю побудку.
Бог *сделал ноги*. Дьявол – *мерседес*.
Бог воду создал – враг похитил пламя.
Бог – крылья ангелам. А *боинг* людям – бес.
Бог дал царя. А чёрт ему – Парламент.
Бог – виноград. А чёрт – аперитив.
Бог дал гортань. Лукавый – матюгальник.
Бог – рай зачатья. Бес – презерватив.
Бог дал жену. Шайтан – гарем стоспальный.
Бог – звуки сфер. Нечистый – звон монет.
Бог – сто языков. Чёрт – со словарями.
Бог – *Откровенье*. Дьявол – *Интернет*.
Бог весь – Добро.
 – А чёрт?
 – Судите сами!

ПРО ПОПОВА И ЕГО СОБАКИНУ (1995)

Всё хотите про жизнь, мол, как она?

Вот вам быль из её глубин.

У Попова была Собакина.

Только он её не любил.

Попрекал её, делал пакости –
скатерть мятая, суп не тот...

И совсем уже распоясался,
когда *кто-то* съел антрекот.

И пошло у них всё, как писано –
текст известен, как *се ля ви*...

Уголовщина не зависима
от любви или нелюбви.

Ну, а жизнь – горит ярким факелом
и наяривает свой ритм.

– Эй, Попов! Где твоя Собакина?

– Что я, сторож ей? – говорит.

ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК (1997)

Графоману тексты любы, а особенно стихи.
Вурдалак почистил зубы, а особенно клыки.
Графоман достал тетрадку, изготовился писать.
Вурдалак ползёт украдкой и готовится кусать.
Графоман в тетрадь заносит вдохновенные стихи.
Вурдалак над ним заносит офигенные клыки.
Графоман в катарсис входит, издавая хриплый рык.
Вурдалак отраву вводит в кровь, вонзая острый клык.
Графоман теперь, укушен, тоже станет упырём.
Вурдалак его послушал и издох. И мы умрём.

ИГРОТЕКА (1986)

Симпатичный ветеран
в игротеке служит.
Кому даст аэроплан –
тот над миром кружит.
Кто получит самокат –
носится по парку,
и проводит время вскачь
выбравший скакалку.
Кто куличики печёт,
кто тележку тащит...
Мне же добрый старичок
выдал карандашик.
Я спешу строку писать,
ибо жизнь – игрушка.
Игротеку закрывать
тащится старушка

ПОВОД К ПЕРЕБОРУ (2002)

Ещё не вечер. Как бы рано.
Но вот с косилкой за плечами
гляди, грядёт седая краля,
как внешний повод для печали.

А это повод к перебору
воспоминаний и итогов.–
Memento, знаете ли, *mori*, –
замечу, лысину потрогав...

Чужой на скачках и на дудках,
в графе «игра» я ставил прочерк
и избегал углов бермудских
посредством циркуля и прочих –
прави́л ли, правил ли, лекал ли,
линейных или квадратичных...
А кое-кто навеки канул
и сгинул в нетях непрактичных...

Итак, поблизости от гроба,
тропа к которому просторна,
поводит усиком утроба,
жратвы поводырь до уборной.

И я, утробы той хозяин,
усвоив варево и пиво,
вдруг озаботился: нельзя ли
дожить и помереть – красиво?

Не на смертельную простынку
нагадить, булькая со страху,
а ту, с косою, пнуть ботинком
и рухнуть – гордо, как на плаху...

Но провалявшийся на псине
то на спине, то с боку на бок,

я позабыл о звёздной сини
и притерпелся на ухабах.

Не выдаётся гроб на-вынос
под жизнь, забитую узлами,
и не мечты невыполнимость,
а неразнузданность желаний

мне не даёт – подняться с места
и вдеть ступни в ночные туфли...
Я оседаю, точно тесто,
перестоявшее на кухне.

МЕХМАТ (1962)

Март. Марок снег и черен.
Маревом мрака мерещится март.
Разочарованный, как Печорин,
я из марта вхожу в мехмат.

Ну и что? На лекцию сунусь...
Звонок: «Рассаживайтесь живей!»
...Вьют лучи прожекторы-луны.
Доска в интегральном кружеве...

И вижу: мозг XX века,
известнейший академик – сам! –
Вселенной подняв тяжелое веко,
причесывает космы космоса.

В другой комнате, четко очерчен,
символ сплетением мысли всплыл
и взвился весело бешеным смерчем,
втиснутый в скобки логических сил.

В третьей машины скрежещут зубами,
с непосвященных сорвав покой.
Могут – плантации, плазму, пламя –
выдать цифр спокойной строкой.

И – разочарованность вдруг исчезла.
Я верю в мехмат! Я мехмату рад!..
И весна указала зеленым жестом
дорогу, куда направился март.

МАСТЕРСКАЯ, ГДЕ ЧИНЯТ МЕЧТЫ (1963)

Когда огорчусь, загрузу, затоскую,
когда на зрачках зачернеют кресты,
я медленным шагом пойду в мастерскую,
пойду в мастерскую, где чинят мечты.

И в очередь сяду – как все, неудачник,
мечтатель – как все! – и, конечно, чудак.
Большую мечту я ладонью дрожащей
прикрою от взглядов нахальных зевак.

И вот – подойду. Улыбнется приёмщик
и нежно погладит бесценную вещь.
Часы на стене заколотятся громче.
А может быть, сердце. А может быть, дождь.

Он скажет: «Поломка серьёзна». Посмотрит
сурово и прямо зелёным лучом.
(На улице будет светло и морозно.)
– «Зайдите во вторник, часам к четырём».

Уйду. И до вторника, опустошённый
и сгорбленный, буду сидеть не у дел.
В саду, в стороне от крикливых пижонов
я буду мечтать о разбитой мечте.

Во вторник её получу я обратно
и, радостный, спрячу её под пальто.
Я буду доволен. Мне будет приятно...
Но всё-таки всё это будет не то...

* * * (2012)

Интеллигент, и должен рефлексировать.
А мне напиться хочца и забыться.
И жизнь проходит – малоэффективная,
хотя давным-давно уже – за 30.
За 40 тоже... Упоенье Будущим
давно иссякло. Но всего смешнее,
что 50 ушли за тёткой с дудочкой,
и 60 – опять-таки за нею.
Тела пустых календарей вдоль стен висят
и лазаря лабают а капелла...
Того гляди – туда же канут 70,
стряхнув, как накипь, всё, что накипело.
Я ленту жизни украшаю титрами.
так вдохновенно, будто бы скрижали.
Интеллигент, и должен рефлексировать.
Я рефлектирую. Чтó значит: отражаю.

СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ (2003)

Следующая жизнь – она не такая, как эта.
Ведь я уже буду знать, как надо себя вести.
Как научусь писать – сразу пойду в поэты.
А как половó созрею – освою любовный стиль.

Стану гуманитарием – чтобы поменьше трудиться.
Ну – ремесло для денег, скажем, сантехник-сан.
Семьи заводить не стану: буду свободен, как птица.
Пожалуй, съезжу в Европу и всё повидаю сам.

Заведу себе девочку колли, рыжую и шальную.
Чёрно-белыми вечерами – виртуозных перстов пасьянс...
В виртуальных кругах вращаясь, за окном пропущу весну я.
Супротив фантома вистуя, упущу на бессмертье шанс...

И в этой жизни другой, в неизвестности где-то,
за переходом скорым, когда чёрная хрустнет твердь,
обнаружится новый мир, может быть, не такой, как этот,
но, конечно, ещё прекрасней и солнечней, чем теперь.

СОДЕРЖАНИЕ

Январский вечер, но – почти весна.....	3
Шрифт включает Ё и знак вопроса.....	4
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР.....	5
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ.....	6
МУЗЫКА.....	7
Трио для принтера, клавиатуры, экрана.....	8
ПАМЯТНИК.....	9
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК.....	10
НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША.....	11
ДУБЛЁРЫ.....	12
КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ.....	13
Он приходил домой, певец абсурда.....	14
ИЗ ПЕПЛА.....	15
СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ.....	16
ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ.....	17
КНИГА ЧУДЕС.....	18
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ.....	19
ОТЛАДКА.....	20
ЭПОС И ПАФОС.....	22
РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ.....	23
ВЕДЬМИН МУЖ.....	24
МУЗЕЙ.....	26
ЦИРК.....	27
ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ.....	28
КАРНАВАЛ.....	30
АВГУСТ-91.....	31
ИГРА.....	32
ПО СПИРАЛИ.....	34
ОБМЕН.....	35
Птица голубь на фоне помойки.....	36
КОГОТЬ.....	37
Секунды притворяются невредными.....	38
Как игрушечка нам космос упакован.....	39
ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК.....	40
В ОЖИДАНИЕ ТРАНСПОРТА.....	41
В МЕТРО.....	42
ХАРАКИРИ.....	43
КЛЯЗЬМИНСКИЙ ПАНСИОНАТ.....	44

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НОЧЬЮ.....	45
Как сказать – тихо или погромче?.....	46
Опять всё застыло? – Да нет, не скажи.....	47
Тяжело в раю, когда легко в мучении.....	48
БЕСПАМЯТСТВО.....	49
КАКТОПИСЬ? – ТАКТОПИСЬ!.....	50
ПРОЩАЙТЕ, МУЗЫКА.....	51
МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ.....	52
МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО.....	53
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ.....	54
Я выжил в хрупком мире чемоданном.....	55
ЖНОСТЬ И НЕ-ЖНОСТЬ.....	56
Я же вроде как Дон Аминадо.....	57
Шёл Виталий в Капитолий.....	58
КРЕДО.....	59
В понедельник каждый-всякий.....	60
КАК ПРИНЯТО.....	61
Извилины как ясли мысли.....	62
БУКВЫ И ЦИФРЫ.....	63
Палиндромы, анаграммы.....	65
СОЗИДАНИЕ.....	66
ПРО ПОПОВА И ЕГО СОБАКИНУ.....	67
ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК.....	68
ИГРОТЕКА.....	69
ПОВОД К ПЕРЕБОРУ.....	70
МЕХМАТ.....	72
МАСТЕРСКАЯ, ГДЕ ЧИНЯТ МЕЧТЫ.....	73
Интеллигент, и должен рефлексировать.....	74
СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ.....	75

Александр Воловик
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ
Стихи

Бумага офсетная. Печать трафаретная. Тираж договорной.
Подписано в печать 04.06.2012. Формат 64×84/32.
Объем 1,25 усл. печ. л. Гарнитура Verdana
Текст публикуется в авторской редакции
ИД «Эпоха Самиздата», Москва